РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XLVII-й. АВГУСТЪ. 1916 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **За пятьдесятъ лѣтъ** (воспом. Глѣбовой) Сообщ. **П. Скуратовъ.** 161—170

II. **Изъ разсказовъ объ архіереѣ Смарагдѣ** В. Гайдукова . 171—174

III. **Авантюристъ начала XVIII вѣка.** (Изъ исторіи пріема иностранцевъ на рус. службу) К. Н. Арнольди . 175—191

IV. **Старинное слово о живомъ словѣ.** Н. И. Сентюриной . 192—202

V. **Изъ размышленій историка.** (Литература о П. И. Сумароковѣ). С. В. Разумовскаго . . . . . 203—208

VI. **Земская реформа 1864 года и ея послѣдующія измѣненія.** В. Смирнова . 209—245

VII. **Тому сто лѣтъ.** В. Ключаревой . . 243

VIII. **Казанская старина.** Павелъ I въ г. Козмодемьянскѣ. В. П. Грузинцева . . . 244—146

IX. **Казанскіе лашманы.** Н. В. Залѣсскаго 247—260

X. **Замѣтки Петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.** П. В. . . 261—318

XI. Къ портрету рядового Турабаева 319

XII. **Библіограф. листокъ** на обложкѣ . . . . .

Приложеніе: Портретъ рядового **Турабаева.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1916 года.

Подписная цѣна на 1916 годъ — 10 руб., за границу — 12 руб.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни.

Редакція помѣщается въ Петроградѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37-66.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1916 года.

За пятьдесятъ лѣтъ.

(Воспоминанія г. Глѣбовой).

Глава 4[1]).

Начались правильные уроки танцевъ. Позиціи и первые пріемы я усвоила очень скоро. Дядя былъ очень доволенъ мной, и я очень скоро начала разучивать характерныя па. Особенно хорошо мнѣ удавался чардашъ. Преподаваніе обыкновенно начиналось послѣ обѣда, по возвращеніи его съ занятій. Утро и день мы были предоставлены самимъ себѣ. Свои познанія я передавала сестрѣ. Не знаю, была ли я плохимъ педагогомъ или у сестры не было способностей, но она воспринимала все очень туго, что́ меня весьма огорчало. Когда мое преподаваніе заканчивалось, мы съ сестрой отправлялись до обѣда гулять. Тутъ я входила въ роль няньки, одѣвала сестру, осматривала, оправляла ее, и мы, какъ взрослые, но взявшись за руки, гуляли по улицамъ. Разъ даже заблудились и съ трудомъ нашли свой домъ.

За обѣдомъ я ухаживала за сестрой, кормила ее, вытирала ей губы, носъ и подкладывала кушанья. Первое время мнѣ было пожительно дико не слышать руготни, не ощущать побоевъ. Я все это считала неотъемлемымъ, необходимымъ въ моей жизни; мнѣ казалось, что всѣ папаши на свѣтѣ такъ обращаются со своими дѣтьми и что иного обращенія, иной жизни быть не должно. Всѣ люди должны учиться, а стало быть и мой папаша училъ меня и поступалъ такъ, какъ поступать надлежитъ. И только по прошествіи нѣкотораго времени я поняла, что

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1916 г.

значитъ свобода, ласковое обращеніе, и жизнь мнѣ стала казаться приглядней, пріятной, и въ головѣ зародились съ новой силой мысли о томъ, что я буду артисткой, но теперь я себя представляла танцующей чардашъ, если и и не блондинкой, все-таки съ голубыми глазами. Къ дядѣ приходили знакомые, и онъ иногда просилъ меня протанцевать что-либо въ ихъ присутствіи; всегда просилъ и никогда не заставлялъ угрозами или приказаніемъ. Такимъ образомъ я привыкла къ танцамъ при постороннихъ и, слыша постоянно похвалы, съ удовольствіемъ исполняла желаніе дяди. Я танцевала съ увлеченіемъ и видимо увлекала и зрителей. Во мнѣ, что называется, разгорался артистическій огонекъ, меня влекло къ сценѣ. Я была и старательна, и внимательна, и послушна. Какъ-то дядя получилъ извѣщеніе, что мы съ сестрой должны пробыть у него нѣсколько мѣсяцевъ, что Леличка (мужъ) устраиваетъ какія-то дѣла, очень важныя, устраивающія его, но требующія продолжительныхъ хлопотъ.

Для дяди, вѣроятно, это былъ сюрпризъ; но онъ былъ удивительно добрый человѣкъ и продолжалъ быть съ нами ласковымъ и привѣтливымъ.

Я сдѣлалась въ родѣ хозяйки у него въ домѣ и кой-что начинала понимать въ этомъ дѣлѣ.

Возвратясь однажды со службы, дядя почувствовалъ себя нездоровымъ. Лицо страшно измѣнилось, осунулось, и носъ заострился. Это я хорошо помню. Глаза были воспалены и блестѣли лихорадочнымъ огнемъ. Силы разомъ оставили его, и онъ обратился въ неподвижный пластъ. Жаръ у него былъ такой, что, стоя около него, я чувствовала этотъ жаръ. Я была его сидѣлкой, давала ему пить, давала куриный бульонъ, переворачивала его, помогала встать съ кровати, словомъ, исполняла старательно роль сидѣлки. Временами онъ совершенно терялъ сознаніе, все тѣло покрывалось сыпью. Прислуга его, простая, деревенская баба предложила дядѣ послать за докторомъ, но тотъ коротко отвѣтилъ:

— Не надо, все равно... чувствую, конецъ будетъ одинъ...

Попросила и я его: онъ ласково посмотрѣлъ на меня, на его глазахъ навернулись слезы, бѣлыя губы, запекшіяся, силились улыбнуться; руки не шевелились, и только пальцы странно перебирались.

— Маруся, не надо... милая, бѣдная дѣвочка... напиши матери, чтобы... пріѣхала... Въ верхнемъ ящикѣ въ комодѣ...

въ правомъ углу, возьмите деньги... истратитъ... на что понадобится... и...

Дядя не докончилъ, смолкъ. Онъ видимо лишился сознанія.

Я начала понимать, что происходитъ что-то страшное, и въ слезахъ бросилась на колѣни у кровати и стала цѣловать руку больного. Сестра смотрѣла широко открытыми глазами, а затѣмъ стала тоже плакать, за компанію со мной...

Дядя уснулъ или по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, что онъ уснулъ. Я тихонько на пальцахъ вышла изъ комнаты и сѣла у окна. Сестра Вѣра помѣстилась на подоконникѣ. Мнѣ стало грустно до ужаса, квартира показалась какой-то пустой, люди, идущіе по улицѣ, совсѣмъ, совсѣмъ чужіе, и какіе-то тоже страшные, холодные, безучастные къ моему горю. Такъ сидѣли мы съ сестрой довольно долго. Дядя спалъ, и мы боялись его разбудить. До насъ доносилось его короткое, прерывистое дыханіе, и какой-то легкій, шипящій звукъ вырывался вмѣстѣ съ дыханьемъ изъ груди и горла.

— Маруся, раздался внезапно окрикъ дяди. Звукъ голоса мнѣ показался какимъ-то необыкновеннымъ, надорваннымъ, не то испуганнымъ, не то удивленнымъ.

Я опрометью бросилась въ его комнату. Дядя полусидѣлъ на кровати и пристально смотрѣлъ, широко открытыми, воспаленными глазами.

— Маруся, обратился онъ ко мнѣ, указывая дрожащей рукой на занавѣсь, которой было закрыто его окно. Скажи мнѣ, ты видишь что-нибудь... Видишь...

Я посмотрѣла въ ту сторону, куда онъ указывалъ. Сквозь пеструю занавѣску ярко свѣтило солнце и узоры причудливо вырисовывались. Кромѣ ихъ я ничего не видала.

— Я, дядя, ничего не вижу, ничего...

— Не видишь, а лицо... лицо Спасителя... Онъ же смотритъ на меня и улыбается...

Черты больного озарились необыкновеннымъ счастьемъ. Я дрожала и вперила свой взглядъ на занавѣсь. Въ это время солнце зашло за тучу, и занавѣска потемнѣла.

— Ну вотъ... теперь никого нѣтъ... странно...

Дядя откинулся на кровать, закрылъ глаза и ускоренно дышалъ. Я снова вышла въ залъ и снова помѣстилась у окна. Сердце мое билось, руки и ноги дрожали, и должно

быть на лицѣ отразилось мое волненіе, потому что сестра спросила:

— Что съ тобой, Машенька, тебѣ больно?

Я успокоила сестру. За спиной раздался шорохъ. Я повернула голову, въ дверяхъ стояла прислуга. Она обратилась ко мнѣ.

— Барышня, пожалуйте ключи отъ комода, мнѣ надо достать чистую скатерть покрыть столъ...

Я дала ей ключи, и она тихонько отправилась въ комнату дяди. Черезъ двѣ, три минуты она вернулась, держа скатерть и отдавая ключи, и затѣмъ скрылась въ кухню.

Часы пробили два. Накрылся столъ. Я покормила сестру, заглянула затѣмъ къ дядѣ. Онъ лежалъ съ открытыми глазами... Я спросила его:

— Хочешь бульону?

Онъ кивнулъ слегка головой въ знакъ согласія. Я налила въ тарелку, понесла ему, хотѣла кормить.

— Принеси еще ложку... я хочу, чтобы ты ѣла вмѣстѣ со мной, прошепталъ больной. Я поставила тарелку на стулъ и пошла за ложкой, чтобы исполнить его желаніе. Дядя ждалъ. Я давала ему ложку супу, а затѣмъ брала себѣ. Дядя довольно улыбался, и когда кончилъ ѣсть, особенно ласково произнесъ:

— Милая дѣвочка... да сохранитъ тебя Христосъ... иди... я буду дремать. Я, захватя тарелку и ложки, вышла. Только успѣла я поставить тарелку, какъ въ комнатѣ дяди раздался крикъ. Бросившись туда, я увидѣла его сидѣвшимъ, спустя худыя ноги. Глаза его бѣгали...

— Маша... я умираю... Маша, смотри же, въ комодѣ двѣсти рублей... похорони... остальные тебѣ... передай привѣтъ матери...

Онъ быстро всталъ на ноги и черезъ мгновеніе упалъ на постель. Грудь тяжело подымалась, въ горлѣ что-то клокотало. Я рванулась къ нему и, приподнявъ его, поддерживала голову. Безграничной благодарностью свѣтились его глаза. Онъ становился очень тяжелымъ; руки мои затекали, дрожали, и я боялась его уронить. Вдругъ онъ разомъ вытянулся, глаза широко открылись, все тѣло передернуло, и онъ, выпавъ изъ моихъ рукъ, неподвижно лежалъ на кровати... Я только взвизгнула, не понимая еще вполнѣ случившагося. Крикъ мой услыхала кухарка. Она вбѣжала въ комнату и, взглянувъ въ лицо дядѣ, произнесла:

— Прикончился...

Я вопросительно посмотрѣла на нее.

— Дядя померъ Вашъ... царство ему небесное. Хоронить надо.

Кухарка вышла. Я стояла окаменѣвшая. Слезъ не было... Горе мое было выше слезъ. Я потеряла душу добраго, честнаго человѣка, душу, которая первая приласкала, приголубила меня. Я ни разу не видала даже недовольства во взглядѣ, не то рѣзкаго, грубаго слова. Первый разъ я увидала смерть лицомъ къ лицу, въ первый разъ я ощущала ея холодъ, величіе и какую-то своеобразную тишину...

— Барышня, васъ человѣкъ спрашиваетъ, раздался голосъ кухарки. Я оглянулась и увидѣла мужчину. Это былъ черный воронъ-гробовщикъ. Не говоря ни слова, онъ снялъ мѣрку и вышелъ. Я слыхала, какъ кухарка шептала:

— Попроще, подешевле...

Глава 5.

Я и кухарка собственноручно обмыли тѣло, одѣли его и вмѣстѣ положили на столъ. Мнѣ было очень тяжело и трудно. Затѣмъ кухарка отправилась и откупила землю для могилы. Вообще она оказывала какія-то особенныя старанія и я невольно замѣтила, что она избѣгала смотрѣть мнѣ въ глаза. Къ вечеру принесли гробъ. Тѣло положили въ него, и гробовщикъ заявилъ, чтобы я уплатила десять рублей, что завтра онъ явится съ людьми, и они отнесутъ покойника на кладбище. Я взяла ключи и пошла за деньгами въ комодъ, но каково было мое удивленіе, когда вмѣсто двухсотъ рублей я нашла въ немъ только двадцать пять. Не понимая, въ чемъ дѣло, я отправилась на кухню заявить объ этомъ кухаркѣ, но, увы, она собрала вещи и скрылась. Тогда мнѣ не пришло въ голову, что прислуга въ то время, когда брала у меня ключи, украла деньги, оставивъ незначительную сумму. Я расплатилась съ гробовщикомъ, и мы остались съ сестрой однѣ

Насталъ вечеръ. Намъ не приходило въ голову зажечь свѣтъ, и мы сидѣли въ потемкахъ. Кругомъ было тихо, тихо, но страха я не ощущала. Но вотъ выплыла луна и полосами раскинулась по полу. Мнѣ стало очень грустно

по дядѣ, и я безъ боязни отправилась въ комнату, гдѣ онъ лежалъ. Лунный свѣтъ ударилъ въ лицо покойника, и я остановилась передъ нимъ и долго смотрѣла въ его лицо. Онъ лежалъ, какъ живой, и легкая улыбка озаряла его лицо...

— Дядя, милый дядя, шептала я, и мнѣ казалось, что онъ меня слышитъ. Помолись за насъ, помолись!—и слезы прямо потоками лились изъ моихъ глазъ. Я подошла ближе и хотѣла его поцѣловать, но не смогла достать. Гробъ былъ широкій и бока мнѣ мѣшали. Тогда я пододвинула скамью, встала на нее и крѣпко, крѣпко поцѣловала дорогое существо. Прикосновеніе къ холодному остывшему трупу заставило меня вздрогнуть. Тутъ только я поняла вполнѣ, что такое случилось, и громко зарыдала. Сестра услышала и босикомъ въ одной рубашенкѣ прибѣжала ко мнѣ и удивленно смотрѣла. Я взяла ее на руки и помогла приложиться. Она заплакала и, чего-то испугавшись, не пожелала цѣловать дядю. Я не настаивала, и вотъ мы, одинокія дѣвченки, крѣпко взявшись за руки, стояли почти всю ночь у гроба. Сила сна наконецъ поборола насъ, и мы пошли спать. Сестра пожелала лечь со мной. Я согласилась, и вотъ мы заснули. Утромъ явился врачъ, кажется городской полиціи, осмотрѣлъ покойнаго, и я ясно услыхала слова: у него былъ сыпной тифъ. Надо отдѣлить дѣвочекъ и послѣ похоронъ дезенфецировать квартиру и на нѣкоторое время забить ее. Они ушли.

Я только нѣсколько лѣтъ спустя поняла, какой опасности мы съ сестрой подвергались; особенно я, соприкасаясь и кушая изъ одной тарелки куриный бульонъ. Могу сказать, не судьба мнѣ была умирать.

Я смотрѣла въ окно въ ожиданіи похоронъ и видѣла, какъ у воротъ стоялъ полицейскій, какъ подходили вѣроятно знакомые дяди и какъ спѣшно уходили, боязливо поглядывая на окна. Появились нищіе, но тоже ушли, а мы съ сестрой, не подозрѣвая опасности, сидѣли и ждали дальнѣйшихъ событій.

Наконецъ увидѣли пятерыхъ человѣкъ: гробовщика и четырехъ мужчинъ, въ черныхъ сюртукахъ, на головахъ были надѣты взъерошенные цилиндры, обшитые старымъ серебрянымъ галуномъ. Вся эта компанія вошла въ квартиру, взяла крышку отъ гроба, забила ее гвоздями, вынесла гробъ, положила на носилки, и траурное шествіе тронулось.

Впереди несли гробъ, съ боку шелъ гробовщикъ, а мы съ сестрой плелись сзади. Гробовщикъ взялъ у меня послѣдніе пятнадцать рублей за могилу и на другіе расходы, и я осталась съ двумя или тремя копейками.

Кладбище было далеко за городомъ. Мы такъ устали, что едва волочили ноги. Лицо, платье, ботинки были сѣры отъ пыли. Мнѣ временами казалось, что я упаду, а сестра теряла силы, и мнѣ пришлось ее на руки взять и нести нѣсколько времени, пока она немного отдохнула. Прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли на оригинальное шествіе. Большинство снимало шапки и крестилось. Усталость наша дошла до крайнихъ предѣловъ, когда я наконецъ впереди себя увидала много деревянныхъ и другихъ крестовъ. Мы вошли въ границу вѣчнаго успокоенія и долго брели, поворачивая то вправо, то влѣво, по кладбищу, и наконецъ очутились у самаго его конца. Тамъ ожидала вырытая могила и священникъ. Гробъ опустили въ могилу, засыпали землей, священникъ отслужилъ панихиду, гробовщикъ что-то сунулъ ему въ руку, и тотъ удалился; затѣмъ гробовщикъ сунулъ и мнѣ что-то въ руку и, сказавши: „будьте здоровы, барышни", ушелъ. Я посмотрѣла, что онъ мнѣ далъ, и увидѣла серебряную монету, это были пятнадцать копѣекъ. Всѣ разошлись, и у свѣжаго холмика земли стояли мы съ сестрой. Затѣмъ опустились и сѣли на траву. Усталость охватила насъ еще болѣе, и кости мои ныли и трещали. Сестра положила голову мнѣ на колѣна и уснула, я дремала клюя носомъ... На деревьяхъ каркали стаи грачей, и въ травѣ трещали стрекозы.

Время было подыматься. Я и сестра встали. Мы еще немного побыли у скромной могилы и пошли. Кругомъ насъ высились кресты новые, старые, очень старые, покрывшіеся плѣсенью и готовые упасть. Лавируя среди нихъ, мы добрались до выхода; сообразили, куда надо двигаться, въ какую сторону, и пустились въ путь-дорогу. Сестрѣ захотѣлось пить и ѣсть. Я ее утѣшала, говоря, что дома покушаемъ, а что теперь надо терпѣть. Вначалѣ она молчала, а потомъ стала плакать, а затѣмъ опять смолкла. Шли мы долго и медленно. Я запомнила дорогу и правильно подвигались къ дому. Начали мелькать домики предмѣстья, затѣмъ потянулись улицы, а тамъ показалось и наше жилище.

— Ну вотъ,—обратилась я къ сестрѣ,—мы будемъ скоро

дома, и я дамъ тебѣ ѣсть. На сестру страшно было смотрѣть. Потъ проложилъ дорожки по запыленному лицу, сбившіеся отъ вѣтра и пота волосенки были въ безпорядкѣ, глаза ввалились и губы запеклись. Я была конечно не лучше. Близость дома придала намъ энергіи, и мы невольно пошли бодрѣе. Вотъ знакомая вывѣска мелочной лавки, вотъ золотой крендель булочной, вотъ сапогъ, нарисованный на жести сосѣда-сапожника, а вотъ и нашъ домикъ. Мы подошли и не вѣрили глазамъ. Мнѣ казалось, не сбились ли мы и не попали ли въ другое мѣсто. Нашъ особнячекъ былъ наглухо забитъ досками, и попасть въ него не было никакой возможности. Какъ я ни была молода, глупа и неопытна, но у меня зашевелились волосы на головѣ, и я потерянными глазами смотрѣла на доски, которыми были забиты окна и калитка во дворѣ. Онъ былъ пустъ, какъ была пуста наша квартира. Я безпомощно смотрѣла на сестру, потомъ опять на домъ, опять на нее и вдругъ горько, горько заплакала. Сестра опять начала просить ѣсть и пить. Я повела ее въ лавочку, купила хлѣба, колбасы, мы поѣли и, напившись воды, вышли на улицу. Гривенникъ былъ истраченъ, и нашъ капиталъ состоялъ изъ семи или восьми копѣекъ. Я сѣла на тумбу, сестра около

Прохожихъ не было. Улица вообще была пустынная, а въ этотъ моментъ точно всѣ вымерли, и только въ пыли валялась чья-то свинья. Я положительно не знала, что дѣлать, какъ поступить, къ кому обратиться, и не было силъ двинуться съ мѣста. Написать къ матери, но я не знала адреса. Писалъ ей дядя и адресъ былъ записанъ въ книжечку, что лежала у дяди въ его письменномъ столѣ. Да, наконецъ, если бы адресъ былъ найденъ, письмо шло долго и обернуться оно могло дней въ пять, шесть. И такъ, что же было дѣлать? Мысли въ моей головѣ прыгали, путались; я старалась собрать ихъ, чтобы имѣть возможность придумать что-либо, но... напрасно. Обратиться въ полицію мнѣ почему-то не приходило въ голову, вѣдь это она же забила домъ, вѣдь это ей же предписалъ докторъ такъ поступить. Тамъ въ домѣ остались наши пожитки, бѣлье, пальтишки и все прочее. Мнѣ и въ голову не приходило, что вещей уже не было, что ихъ успѣли куда-то спровадить. Быть можетъ, для сожженія, быть можетъ, для дезинфекціи, а быть можетъ, онѣ были проданы тряпичнику для распространенія заразы. Все это я соображаю теперь, но тогда, тогда я была увѣрена, что имущество мое цѣло и

охраняется сосновыми досками. Время летѣло, солнце уже почти закатилось, начало дѣлаться прохладно. Сестра уже дрожала. Я прижала ее къ себѣ, обнимая, старалась согрѣть.

Все это произошло въ теченіе недѣли, начиная съ болѣзни дяди и закончившись его смертью и похоронами. Пока Богъ хранилъ насъ, мы не заразились какимъ-то чудомъ: мы обѣ были здоровы; какъ распорядится судьба далѣе, это было покрыто мракомъ неизвѣстности. Гдѣ же мы будемъ спать, думалось мнѣ. О ѣдѣ я пока не думала, вѣдь было еще на семь копѣекъ мѣди. Я осматривалась кругомъ и увидала у одного изъ домиковъ, съ боку воротъ, углубленіе и въ немъ скамеечку и рѣшила переночевать тамъ. Не долго думая, я взяла за руку сестру, и мы направились къ намѣченному мѣсту. Я посадила сестру, сѣла и сама. Сестра полулежа почти сейчасъ заснула, а я бодрствовала. Промелькнуло нѣсколько прохожихъ, но они, не замѣчая, проходили въ разныя стороны. Думается мнѣ, что если бъ они и увидали насъ, то прошли бы мимо, не обративъ вниманія: какое дѣло имъ до двухъ грязныхъ, маленькихъ, чужихъ имъ дѣвченокъ. На дворѣ стало темнѣть. На небѣ показалась первая звѣздочка, а тамъ вторая, третья, и наконецъ весь сводъ небесный засверкалъ звѣздами. Я прямо тряслась и зубы мои стучали. Наша сторона осталась вся въ тѣни, а луной освѣщалась противоположная, по ней-то и ходилъ сторожъ, постукивая въ колотушку. Походилъ, постучалъ и куда-то ушелъ. Стукъ колотушки доносился издалека, а тамъ и смолкъ.

Я боролась со сномъ, побаиваясь темноты, и прижималась къ сестрѣ, согрѣвала ее. Затѣмъ стала соображать все меньше и меньше. Событія дня какъ-то испарились изъ усталой головы, и я стала дремать... Я уже не соображала, гдѣ я. Послѣдними потерялись отъ моего вниманія мигающія звѣзды, а тамъ я уже и окончательно не видѣла ничего изъ окружающаго меня. Одинъ только разъ меня заставила пріоткрыть глаза это метнувшаяся мимо, съ сильнымъ хрюканьемъ свинья, необходимая принадлежность всѣхъ небольшихъ городовъ. Грязи много, а слѣдовательно и удовольствія свиньямъ достаточно.

И такъ мы заснули... Свѣжесть зорьки разбудила насъ. Яркая, красно-матовая полоска блистала на во-

стокѣ. Мы обѣ тряслись; платье было мокро отъ росы, кости ныли.

Вотъ мальчикъ погналъ штукъ пять коровъ; чирикали воробьи, ворковали голуби; словомъ, начался новый день нашей жизни...

Сообщилъ **П. Скуратовъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).